

Принцесса Цзяминь уловила предупреждение в словах Цинь Няньчжи. Какое-то время девушка была потрясена и опечалена, она чуть не расплакалась, но сдержалась, чтобы не уронить императорского достоинства.

Сидевший на банкетном застолье молодой сановник, который был влюблен в принцессу Цзяминь, тут же шагнул вперед, его голос оставался высоким.

— Как может господин Цинь позволять себе столь дерзкие речи и неуважение к принцессе? Прошу Ваше Величество покарать Цинь Няньчжи за проявление великого неуважения.

Император Сюаньхэ холодно окинул его взглядом — это был незнакомый молодой чиновник, — и не удостоил того ответом.

Тот сановник все еще пылал праведным гневом:

— Ваше Величество, Цинь Няньчжи обласкан императорской милостью, но выказывает неуважение к принцессе, его надлежит сурово наказать.

Император Сюаньхэ холодно бросил два слова:

— Шумно.

Тут же появились двое стражников, которые зажали ему рот и, не обращая внимания на сопротивление, поволокли прочь.

Цзян Дэфу едва заметно поморщил уголки губ, про себя усмехнувшись: слепой глупец, разве не видел, что у Его Величества душа горит от гнева? Боюсь, этой ночью этот дурак не только лишится своей чиновничьей шапки, но и головы на плечах не удержит!

Вдовствующая императрица замерла, в ее глазах промелькнуло свирепое выражение:

— Господин Цинь и впрямь ведет себя дерзко, Вашему Величеству следовало бы преподать ему легкий урок, дабы впредь неповадно было.

Император Сюаньхэ немного поразмыслил:

— Есть ли что сказать Цинь-айцину?

Цинь Няньчжи ловко опустился на колени и признал вину:

— Твой слуга выразился неуместно и не имел намерений оскорбить принцессу, прошу Вашего

Величества о милосердии.

Император Сюаньхэ подпер щеку рукой, словно у него вдруг разыгралось игривое настроение:

— Раз так, айцин должен сам выпить три чаши в наказание и принести принцессе свои извинения.

— Ваше Величество! Разве это наказание? — Вдовствующая императрица вспылала гневом. Он же явно покрывает его и ни в грош не ставит ее слова!

Император Сюаньхэ с беззаботным видом увещевал:

— Матушка, сегодня у нас праздник за заслуги, и было сказано, что можно обойтись без лишних церемоний и вести себя непринужденно. Зачем же цепляться за одно-единственное слово?

Вдовствующая императрица прижала руку к груди — очевидно, ее рассердили до крайности, но ей все же приходилось сохранять пристойный вид. Сквозь зубы она процедила:

— Ваше Величество говорит верно. Только вот если господин Цинь и дальше будет так распускать язык, рано или поздно он навлечет на себя беду, так что лучше все же соблюдать осторожность.

Цинь Няньчжи ни капли не обратил внимания на угрозы вдовствующей императрицы, издали поднял чашу в сторону принцессы Цзяминь:

— Речь моего слуги была опрометчива, я искренне виноват перед вами. Большое спасибо принцессе за великодушие.

Окинув голову назад, он осушил чистые капли до дна, выпил три чаши подряд и лишь после этого вернулся на свое место. Ли Сяньхэ знала, что у него слабоватая голова до вина, и поспешила подвинуть к нему тарелку, положила его любимый медовый корень лотоса с османтусом и тихо произнесла:

— Быстро съешь закуску, чтобы перебить хмель.

Такая заботливая, нежная картина гармонии мужа и жены в глазах окружающих вновь вызвала целую бурю смешанных чувств и невыносимую горечь.

Столь всеобщее внимание оказалось тяжелым испытанием даже для Цинь Няньчжи, привыкшего к чужим взглядам.

Заметив, что главные зачинщицы смуты на банкете — вдовствующая императрица и принцесса Цзяминь — в гневе досрочно покинули пир, а дело, о котором он так долго беспокоился, наконец завершилось,

Цинь Няньчжи тоже больше ни о чем не тревожился. Вино ударило в голову, в мыслях появилась легкая смутная дремота. Принеся извинения сидевшему наверху императору Сюаньхэ, он вместе с Ли Сяньхэ покинул пир раньше времени, собираясь вернуться в поместье.

Кто бы мог подумать, что не успеют они выйти за дворцовые ворота, как путь им преградил спешно прибежавший евнух:

— Господин Цинь, помедлите, вас зовет Его Величество.

Глава 8. Ночной пир (3)

Лицо Цинь Няньчжи пылало румянцем. Шатаясь и ступая неверными шагами, он направлялся в Восточный павильон тепла, а сопровождавший его евнух неизвестно куда запропастился.

Подойдя к небольшому саду рядом с Восточным павильоном тепла, он издалека заметил высокую и стройную фигуру, застывшую под лунным светом. Тот человек стоял в туманном сиянии луны, и его лицо скрывалось в тени, так что выражение нельзя было разобрать.

В голове становилось все более туманно, ноги начали подкашиваться. Человек этот утратил прежнюю степенность, быстрым шагом бросился навстречу и подхватил его:

— Ты как?

Цинь Няньчжи покачал головой, пытаясь удержать равновесие:

— Пятый брат, не качайся, у меня немного кружится голова.

Прятавшийся в тени Цзян Дэфу с понимающим видом подумал: поистине, Его Величество мудр!

Прекрасно зная, что у господина Цинь слабоватая голова до вина, он все же заставил его выпить три чаши в наказание — не говоря уже о том, что подавали Чжуецин, легкую на вкус с виду, но с суровым и тяжелым послевкусием. Господин Цинь пил так быстро и залпом, что то, что он вообще еще держится на ногах, уже само по себе чудо.

Выражение лица Чжао Цзюньсюаня было странным, а на душе скребли кошки.

Он злился, что тот сначала сам его задирает, а потом смывается легко и непринужденно, без малейшего сожаления о разлуке.

Еще сильнее он ненавидел его за то, что у него нет сердца — как он вообще посмел? Как у него язык повернулся произнести столь жестокие слова и заставить его самого стать у них главным свадебным распорядителем?

Но в этот миг, видя, как мягко и покладисто тот прильнул к нему, полный доверия, и задирает голову, глуповато улыбаясь, заталкиваемая глубоко внутрь ярость мгновенно развеялась.

Он тяжело вздохнул, утешая себя: в чем же виноват Няньчжи? Он просто не любит его!

Император Сюаньхэ впервые в жизни испытал глубокое чувство бессилия. Вот каково это — слишком сильно дорожить кем-то и придавать ему такое значение.

Словно держишь на ладони одуванчик: и разжать пальцы не смеешь, боясь, что его унесет ветром, и сжимать крепче боишься еще сильнее — как бы не повредить.

Алкоголь ударил в голову, и Цинь Няньчжи чувствовал лишь жжение во всем теле и слабость:

— Пятый брат, что вообще случилось? Верно, а где Сянхэ? Мне ведь еще нужно отправить ее домой!

Щеки юноши пылали румянцем, губы влажно блестели, красивые миндалевидные глаза слегка расфокусировались, а тело покачивалось. Припомнив то, что было заготовлено на сегодняшний вечер, император Сюаньхэ сглотнул подступивший к горлу ком, а его взгляд стал еще более темным и непроницаемым.

— Не переживай, я уже велел людям проводить ее в поместье Цинь, можешь не волноваться.

Только тогда Цинь Няньчжи остался доволен и бессознательно качнулся всем телом к нему. Чжао Цзюньсюань привычно прижал его к себе:

— Всего три чаши слабого вина, а опьянел так сильно. Твоя голова к выпивке становится все слабее и слабее.

Цинь Няньчжи лишь чувствовал, как в ушах шумит, уперся лбом в твердые грудные мышцы Чжао Цзюньсюаня, потерся о них и протянул руки, обнимая его за талию:

— Пятый брат, ты такой хороший.

Император Сюаньхэ от столь внезапной близости ощутил прилив горячей крови и испугался, как бы тот не заметил подвоха: он растерялся не хуже какой-нибудь застенчивой невесты, над которой подшутили, и хриплым голосом бросил:

— Не шари руки!

Опьяневший Цинь Няньчжи отчасти отупел, глупо улыбаясь и повторяя:

— Мм, шарю.

Сказав это, он снова обвился вокруг него, словно томимый жаждой осьминог. У Чжао Цзюньсюаня снова затрепетали зрачки, и он в панике воздел к небесам обе руки.

Это... все совсем не так, как он себе представлял.

Император Сюаньхэ изначально думал взять того силой — во что бы то ни стало добиться своего сегодняшней ночью.

Но нынешнее положение дел заставило его глубоко усомниться в себе и испытать самоотвращение: неужели ради собственного эгоистичного желания он и впрямь разрушит десятилетнюю дружбу с этим юношей?

Стоявший в тени Цзян Дэфу совершенно не ведал о муках и метаниях императора. Он лишь про себя восхищался: надо же, обычно господин Цинь выглядит таким холодным и неприступным, а стоило выпить вина — и такая страсть, Его Величество едва справляется.

Чжуецин — поистине чудесная вещь. Судя по лицу Его Величества, он явно остался крайне доволен, в другой раз при случае обязательно нужно будет еще подсунуть ее господину Циню.

Боясь, что кто-нибудь наткнется на них и испортит им обоим репутацию, Цзян Дэфу заблаговременно разогнал всех слуг, оставшись охранять порядок в одиночку.

Пока он не увидел, как император Сюаньхэ подхватил юношу на руки и внес в боковой покой. Следом за этим вновь накатила бесконечная тревога: что же делать, если завтра господин Цинь протрезвеет и устроит скандал?

Тем временем в глубине постели распустившиеся черные пряди Цинь Няньчжи беспорядочно раскинулись, верхняя одежда неизвестно где затерялась, чулки и обувь были сброшены до конца, обнажая белые изящные ступни. Сидя на краю кровати и обхватив руками пуховое одеяло, он загородил им большую часть лица, оставляя на виду лишь пару затуманенных влажных миндалевидных глаз.

Император Сюаньхэ сглотнул слюну, его голос был пропитан скрытым вождением:

— Няньчжи, иди сюда.

Цинь Няньчжи с трудом приоткрыл веки, и в его влажных миндалевидных глазах читались полнейшее непонимание и растерянность, однако при этом он проявил удивительную послушность.

Тело подалось прямо вперед, чуть не рухнув головой вниз под кровать, но Чжао Цзюньсюань сработал молниеносно: опустившись на одно колено перед ложем, он своими сильными руками поддержал его за плечи.

Цинь Няньчжи еще не осознавал всей опасности своего нынешнего положения, лишь полуприкрыл глаза и бормотал:

— Пятый брат, спать хочу, давай спать.

Бух!

В голове Чжао Цзюньсюаня словно взорвался колокол. Понимает ли вообще этот паршивец, что он сейчас говорит? Как можно произносить самые завораживающие душу слова с таким невинным и непонимающим выражением лица?

В панике отвернувшись и не смея больше смотреть на его соблазнительный вид, он, однако, действовал куда честнее: подхватив его, он залез на постель.

Опершись одной рукой о подушку, а другой поглаживая его белоснежные, с розовым румянцем щеки, он тоскливо вздохнул:

— Тогда ты должен запомнить: это ты сам пригласил меня.

Цинь Няньчжи чувствовал лишь невыносимый шум в ушах и машинально лягнул ногой:

— Как шумно!

Белая нежная ступня со всего маху угодила ему в поясницу и живот, и Чжао Цзюньсюань задрожал всем телом, чувствуя себя безумно потерянным, пока в голове роились самые разные образы.

Однако Цинь Няньчжи ни о чем не подозревал, сам по себе закрыл глаза и невнятно пробормотал:

— Спать, спать хочется...

Император Сюаньхэ разве мог так легко его отпустить? Глядя на заранее приготовленный фарфоровый пузырек на тумбе у изголовья, он чувствовал, как в нем бушуют самые разные чувства.

Протянув руку, он ущипнул его за покрасневшую щеку:

— Не спи.

— Мм, надоеда.

Цинь Няньчжи с раздражением отмахнулся от докучливой руки и перевернулся на другой бок, а Чжао Цзюньсюань тут же затащил руки вокруг, заключая его целиком в свои объятия. Такая поза была слишком уж близкой.

Молодой император больше не мог сдерживать рвущегося наружу дикого зверя в своей груди, наклонился и мягко припал к алым, как кровь, губам юноши, втягивая их и перекачивая во рту, полный нежности.

Ощущая сопротивление и попытки оттолкнуть его снизу, он стал действовать еще властнее: зарывшись пальцами в его черные пряди, прижал затылок, обхватил за талию и углубил поцелуй.

Захватив все подступы, пока юноша не издал жалобный стон маленького зверя, а его нежные губы не распухли и не покраснели, он лишь тогда с неохотой оторвался.

Цинь Няньчжи почувствовал, что наконец-то может сделать нормальный вдох. У него в уголке глаз еще блестели слезинки; он перевернулся и снова погрузился в глубокий сон.

Тонкая спина плотно прижималась к его раскаленной груди, заполняя зияющую пустоту в сердце и пробуждая странное чувство удовлетворения. Накопившиеся за последние дни беспокойство, свирепость, боль и тоска в этот миг рассеялись без следа.

— Няньчжи, Няньчжи, не спи, поболтай с пятым братом, хорошо?

Император Сюаньхэ прижался к его уху, терпеливо уговаривая.

— Мм, хорошо... — полусонно отозвался юноша.

Чжао Цзюньсюань коснулся губами его ушной раковины:

— Няньчжи, ты любишь пятого брата?

Голос юноши звучал невнятно, словно задремавший дикий кот:

— Люблю, люблю пятого брата.

В сердце императора Сюаньхэ одновременно сладко и кисло заныло, словно он объелся засахаренной сливы в уксусе. Тогда он продолжил уговоры:

— Тогда Няньчжи всегда будет вместе с пятым братом и больше никогда не женится ни на ком другом, ладно?

— Ладно?

— ...

Его ответом было лишь мерное дыхание.

Долгое время император Сюаньхэ едва заметно вздыхал: в конце концов, ему было жаль причинять боль этому хрупкому созданию в своих объятиях.

Глядя на их переплехшиеся в беспорядке черные пряди, он лишь крепче прижал к себе юношу. Уткнувшись носом в его макушку, в окружении чистой прохладной свежести бамбука, обнимая чужую ему луну, он желал лишь одного — чтобы эта ночь длилась дольше, еще дольше...

Дежуривший за дверью снаружи Цзян Дэфу все еще напряженно прислушивался к звукам: почему нет ни единого звука? Неужели и Его Величество, и молодой господин Цинь — оба зеленые юнцы, поэтому у них ничего не получается?

Цзян Дэфу передергнуло, и он поспешно отогнал от себя эту страшную мысль: император обладает истинным драконьим величием и крепким телосложением, как такое возможно?

Вот только молодой господин Цинь — он такой хрупкий, сможет ли выдержать? Надо будет потом попросить лекаря Цина выписать побольше укрепляющих тело снадобий.

Ночь была холодной, словно вода. Цзян Дэфу плотнее запахнул на себе верхнюю одежду, и мысли его вновь унеслись в сторону: Его Величеству нынче уже двадцать два, а гарем его по-прежнему пустует. Сановники при дворе уже несколько раз заводили об этом речи, но Его Величество каждый раз оставлял их без внимания. Как же быть дальше?

У молодого господина Циня по крайней мере есть невеста... Хм? Интересно, порвала ли та

девица Ли все связи с генералом Мэном? На сегодняшнем ночном пиру этот Мэн Яо смотрел на Ли Сяньхэ отнюдь не с чистыми намерениями.

Глава 9. Ночной пир (4)

— Отпусти меня! Мэн Яо, ты сошел с ума? Как ты смеешь среди ночи вламываться в поместье Цинь!

Ли Сяньхэ отчаянно сопротивлялась, но ее по-прежнему крепко удерживали, и она прорычала сквозь зубы, понизив голос:

— Если ты не уберешься немедленно, я подниму тревогу!

— Вопи! Лучше ори во всю глоть, чтобы весь Цинь-фу, нет — вся императорская столица услышала, что у тебя, Ли Сяньхэ, и у меня, Мэн Яо, рыльце в пушку! Какая же знатная зеленая шляпа красуется на голове у этого Цинь Няньчжи!

В глазах Ли Сяньхэ вспыхнула такая ярость, что казалось, они сейчас извергнут огонь:

— Мэн Яо, до чего же ты бесстыден, раз устроился здесь негодяем!

Мэн Яо от злости даже рассмеялся:

— Я негодяй? Я лучше буду негодяем, чем жить с той, что не соблюдает женской добродетели и бросается из стороны в сторону. Что такое, чем это Цинь Няньчжи лучше меня? Со своей тщедушной фигуркой, неужели он способен тебя удовлетворить?

Ли Сяньхэ была готова умереть от стыда и гнева. Она с неверием уставилась на стоявшего перед ней мужчину, ощущая, что надежды рухнули и сердце остыло окончательно.

Она перестала сопротивляться:

— Да, я распутна, лишена женской добродетели, подла и ничтожна — генерал Мэн доволен? Будут ли еще указания?

Мэн Яо тоже переполняла обида, и он с трудом сдерживал ярость:

— Ты для кого разыгрываешь этот спектакль? Какой в этом смысл? Ведь это ты первая начала заигрывать со мной — что такое, наигралась и теперь хочешь ускользнуть? Каким бы великим академиком ни был Цинь Няньчжи, неужели он настолько не брезглив? Знает ли он, что ты и я раньше...

— Заткнись! — словно разъяренная, Ли Сяньхэ вытащила из волос шпильку и приставила к горлу. Острый кончик тут же проколол кожу, выступили капельки крови.

Мэн Яо одновременно свирепел и боялся, что она сделает глупость:

— Ли Сяньхэ, ты что, возомнила, будто я жить без тебя не могу, и ломаешь из себя цыпочку-недотрогу перед кем-то? Разве это я тебя принуждал?!

Кристалльные слезы скатились по белоснежным щекам, но Ли Сяньхэ улыбалась, вот только в этой улыбке сквозило безумие.

— Да, ты меня не принуждал, я делала это по доброй воле. Я сама пала до ничтожества, забыла о женской чести и, ослепленная дурманом, безумно влюбилась в тебя. Но теперь я раскаиваюсь.

Он не отступал ни перед градом стрел и клинков, ни перед горами трупов в кровавом море, но одно-единственное легкомысленное слово сорвавшееся с уст стоявшей перед ним женщины — раскаиваюсь — заставило его потерять опору под ногами.

— Раскаиваешься? Смешно! Ты действительно говоришь, что раскаиваешься! Ха, а я-то дурак, действительно верил, что у такой злой женщины, как ты, есть хоть капля искренности.

Мэн Яо сжал ее подбородок, глядя на это демонически-прекрасное и нежное лицо.

— Ну и пусть. Я пришел лишь сказать тебе: Тяньтянь очнулась, но она ничего не помнит из того, что было раньше. Тебе лучше никогда больше не показываться ей на глаза и вовек не заикаться о том, что было между нами.

Не успел голос затихнуть, как в груди тупо кольнуло. Мэн Яо с изумлением опустил взгляд: в его грудь вонзилась серебряная заколка-бабочка, ее тонкие, как крылья цикады, крылышки были испачканы кровью и еще легко подрагивали:

— Ты...

Ли Сяньхэ вскинула подбородок, смахнув с лица слезы, и ее выражение постепенно сделалось спокойным, холодным и насмешливым.

— Эту фразу я скорее должна вернуть тебе в назидание: следи за своей собакой. Никогда, слышишь, никогда больше не появляйся передо мной, иначе я не знаю, на что способна. Ведь всяким омерзительным мерзким тварям пристало прятаться лишь по темным вонючим углам.

Что же до генерала Мэна, то с вами то же самое: не смейте больше попадаться мне на глаза.

То, как вы сейчас сиганули через стену, точь-в-точь походит на скулящую шавку, которая виляет хвостом в попытке привлечь внимание хозяина. До чего же жалко!

— Ты! Ты...

Грудь Мэн Яо тяжело вздымалась, он уже собирался возразить, как вдруг увидел, что Ли Сяньхэ резким пинком распахнула дверь спальни и завопила:

— Воры! Сюда! Ловите воров!

Слуг в поместье Цинь и без того было мало, и когда все в спешке прибежали, комната оказалась пустой — Мэн Яо уже давно перемахнул через стену, оставив после себя лишь несколько еще не высохших капель крови.

Ли Сяньхэ тупо уставилась на пятна крови, погруженная в оцепенение; все прошлые события казались ей каким-то нелепым, абсурдным фарсом.

...

— Ум...

Проспав всю ночь напролет, Цинь Няньчжи открыл глаза, приподнялся, обхватив одеяло руками, и осмотрел затейливо резные колонны кровати, пробивающиеся сквозь многослойные переливы полупрозрачных шелковых пологов. Окружающая роскошная обстановка казалась совершенно незнакомой, а в голове царила абсолютная пустота.

Память останавливалась на моменте, когда прошлым вечером он выпил три чаши штрафного вина и, не вынеся хмеля, в сопровождении Сяньхэ вышел из дворца, направляясь домой...

Как он вообще очутился здесь? Неужели он провел прошлую ночь во дворце? Почему он ничего не помнит? Сяньхэ никак не могла бросить его одного!

Он поспешно проверил себя: к счастью, с него только сняли верхнюю одежду, платье было слегка помято, а на груди по-прежнему сохранялась плоская ровнина.

Он невольно усмехнулся: принимая лекарства на протяжении многих лет, он давно стал гермафродитом, и пока не спущено нижнее белье, кто сможет разгадать его истинное обличье?

— Ох... — он потер занывшие виски.

Внезапно раздался звук отворяемой двери.

— Няньчжи, ты наконец проснулся.

Фигура императора Сюаньхэ, стоявшая за шелковым пологом, была высокой и статной; в тот же миг в памяти вспыхнули отдельные туманные и неотчетливые кадры.

Заметив, что государь собирается отдернуть завесу, Цинь Няньчжи испуганно вскрикнул, останавливая его:

— Не подходите.

Голос звучал не так звонко, как обычно, с хрипотцой от тяжелого похмелья.

Рука императора Сюаньхэ замерла на полпути и медленно опустилась. Он с усмешкой протянул:

— Неужели Няньчжи стыдится? Прошлой ночью неизвестно кто лапал меня вдоль и поперек и пользовался этим изо всех сил.

— Ваше Величество! — Цинь Няньчжи поспешно пресек его дальнейшие слова. — Твой слуга слаб к выпивке и потерял из-за хмеля всякий стыд, прошу Вашего Величества о снисхождении!

Зная, что у Цинь Няньчжи тонкая кожа, император Сюаньхэ не стал продолжать шутки, лишь с глубоким блеском в глазах, словно смакуя воспоминания, издал довольный смешок:

— Я шучу с тобой. Прошлой ночью ты напился до беспамятства, но вел себя очень смирно, никаких непотребств не творил, а укладывал тебя спать Цзян Дэфу.

В этот момент Цзян Дэфу во главе целой процессии младших евнухов гуськом вошел в покои; помедлив немного, он бросил на императора украдкой опасливый взгляд, словно собираясь что-то сказать, но не решаясь.

Император Сюаньхэ:

— Есть что сказать — говори, чего мяться как девица.

Евнух Цзян едва не плакал:

— Господин Цинь, вы наконец очнулись! Еще ранним утром из вашего поместья слуга несколько раз присылал гонца с вестью: мол, прошлой ночью в усадьбу Цинь залез злоумышленник, барышня Ли перепугалась до полусмерти и слегла в постель, просят вас как можно скорее вернуться домой.

Услышав это, Цинь Няньчжи резко подскочил на кровати и откинул полог:

— Заболела?

Император Сюаньхэ бросил взгляд на его белые, нежно-розовые ступни, беспечно ступавшие по полу, нахмурился и с недовольством произнес:

— Сперва обуйся. Ты же не императорский лекарь, и какой толк от того, что тебе передадут весть? Сначала позавтракай, я отправлю Цзин Мина в поместье Цинь осмотреть ее.

Не смея возразить, Цинь Няньчжи подумал: Его Величество и впрямь равнодушен к Сяньхэ — едва услышав, что она захворала, тут же отрядил самого искусного лекаря из Императорской лечебницы, Цзин Мина.

Поспешно отказавшись, он произнес:

— Благодарю Ваше Величество, но я вернусь в поместье вместе с лекарем Цзином.

Выражение лица императора Сюаньхэ было вялым, невозможно было понять, рад он или гневается:

— Похоже, это я проявляю бестактность. Раз уж Няньчжи беспокоится о своей еще не вошедшей в дом невесте, у него, конечно, нет настроения оставаться и разделеть со мной трапезу. Может, мне дать тебе еще несколько дней отпуска, пока барышня Ли не выздоровеет?

Цинь Няньчжи совершенно не уловил ревнивых ноток в голосе императора и преспокойно вознес благодарность:

— Твой слуга благодарит Ваше Величество за заботу.

— Хе-хе... — Император Сюаньхэ от злости даже усмехнулся, но при этом гордость не позволяла ему открыто отчитать его.

Сжав зубы и затаив обиду, он бросил:

— Будучи опорой государства, как айцин может погрязнуть в женской суете и забрасывать государственные дела? На днях министр финансов как раз просил помощи с ревизией местной казны, и мне видится, что айцин для этого подходит как нельзя лучше. Через пару дней можешь приступать к обязанностям.

Цинь Няньчжи остолбенел: он ведь только-только вернулся в столицу и как раз думал

постепенно отойти от дел при дворе, с чего это вдруг на него взвалили столь тяжелое бремя?

Министерство финансов ведало государственной казной, там все было переплетено сложнейшими узами, различные группировки сдерживали друг друга, и если он сунется туда сломя голову, то непременно навлечет огонь на себя. Видимо, Его Величество решил подкинуть ему крупную неприятность.

Он уже хотел отказаться, но император Сюаньхэ круто развернулся и зашагал прочь:

— Думаю, айсин душой уже стремится домой, так что задерживать не буду. Завтра не забудь пораньше явиться в кабинет для доклада, у меня будут к тебе важные дела.

Стоявший неподалеку Цзян Дэфу с кислым лицом следовал позади и с досады отвесил себе звонкую пощечину.

Про себя он уныло корил себя: ай, во всем виновата моя минутная дурость, и зачем только я передавал эти вести? Даже если эта барышня Ли не просто заболела, а дуба дала — и то нельзя было мешать общению молодого господина Циня и Его Величества.

<http://bllate.org/book/18871/1842369>